

# ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

## ИЗЪСТНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Черты изъ быта, нравовъ и обычаевъ зырянъ Яренскаго уѣзда, Удорскаго края. (\*)

Удурою называется сѣверо-восточный край Яренскаго уѣзда. Жители вообще зырянскаго края даютъ названіе

(\*) Хотя матеріалъ изъста этой статьи слабъ въ литературном отношеніи, но изъ опасенія, чтобъ при исправленіи редакціею не утратилась оригинальность выраженій, мы предпочли оставить се безъ большаго переработки и поправки. Ред.

Удоруи всей сѣверной стороны Иренискаго уѣзда, леж  
 ей даѣе Устьянна и Сероговскаго завода, начиная съ Ка  
 княжогостскаго селенія до самой границы Вологодской хлѣ  
 бернїи, гдѣ кончается собственно зырянское народонае в н  
 зїе и начинается русское, принадлежащее Архангельской и у  
 губерніи. Къ мѣстности, называемой Удоруо, можно вод  
 причислить Пселенїя: Княжогостское (по зырянски Вист), ту  
 нежское (о зыр. Турья-абь), Турьянско, Веслянское, м-л  
 Готово-Слободское, Кослянское, Сельбско, Венденское, нѣ  
 тоискоу, Вакгоргское и Чупровское, стоящихъ на трехъ нѣ  
 вольно значительныя рѣкахъ—Вияи, притокъ Вячеслы, кѣт  
 Мезени, впадающій въ Бѣлое море, и Вайан; притокъ уро  
 Мезени, на остростровѣ 350 версты, чрезвычайно рѣдкѣ в  
 малонаселенномъ. Сами же зыряне, принадлежащіе въ н  
 той мѣстности, считаютъ границу удорскаго края даѣе въ ро  
 50 версты, а именно отъ села Готово-Слободскаго, сто  
 ящаго уже при рѣкѣ Мезени. Къ этой мѣстности принад  
 лежатъ 7 селеній или приходоу, расположенныхъ на раз  
 стоянїи 200 версты. Потому-то, при спросѣ зырянъ пер  
 той мѣстности, т. е. всей провинціи Удоруо: кытѣсь чет  
 ы, т. е. откуда вы? они, безъ обинякоу, отвѣчаютъ чет  
 дорансь, т. е. съ Удору, не называя при этомъ села или  
 деревни, по справедливому предположенію, что спрашиваю  
 щему не нужно точнаго опредѣленіе мѣста житѣльства, и  
 то названїе деревни ему неизвѣстно, тогда какъ мѣстности  
 дору, по ихъ мнѣнію, неизрѣнно уже известна, хотя бы  
 не слышавъ; посреди всего зырянскаго населенія, жителѣ  
 въ ближайшихъ селенїяхъ, расположенныхъ къ Яренску бли  
 же Готово-Слободскаго, на тотъ же вопросъ: кытѣсь тѣ? —  
 откуда ты, отвѣчаютъ уклончивѣе удорала-дорѣсь, чт  
 означаетъ съ близъ удорской стороны (\*), или скажутъ  
 еще проще Еявонсь—съ Вияи, и названію рѣки, при  
 кающей въ этой полосѣ.

Вся вообще Удору, какъ страна сѣверная, отличается  
 ровостью климата и малоплодородностію почвы; въ оо  
 яности все это въ болѣе сильной степени проявляется  
 въ сѣверной окраинѣ Удору, граничащей съ Архангель  
 юю губерніею.

Природа здѣсь не щадитъ жителей, такъ какъ вся  
 вообще растительность находится въ печальномъ видѣ,  
 мало приносить плода, а потому мало и пользы для чело  
 века. Хлѣбъ сѣется обыкновенно только двухъ родовъ,  
 являющихся возможнымъ еще для такой скудной ра  
 тельности суровой здѣшней климаты: Ш, ячмень  
 и эти хлѣба часто и въ изобилїи дозреваютъ даже и въ ко  
 шие, сравнительно, т. е. урожайные годы; въ неблагоприятны  
 е, когда лѣто бываетъ холодное и случаются несвоевре  
 мяне утренніе заморозки, хлѣбъ бываетъ такого плохого  
 качества, что безъ примѣси другого лучшаго качества  
 хлѣба невозможно употреблять его въ пищу. Частые не  
 урожайныя въ послѣднее время, происходящіе отъ суровости  
 климата, въ началѣ уже лѣта приводятъ въ сильное без  
 покойство каждаго здѣшняго жителя и невольно застав  
 ляютъ спрашивать другъ у друга, съ желанїемъ, какъ бы  
 услышать въ свое душь соображенїе относительно урожая:  
 лучше бара дозѣ та-во—каковъ то будетъ настоящій  
 урожай? Но и въ отвѣтъ они не слышатъ себѣ одобренїя:  
 лучше Еяв сета съ какой Богъ дастъ. Такии обра  
 зы, полагая всю надежду на милость Божию, мужичекъ  
 справивъ всегда съ трепетнымъ и сжимающимся отъ  
 смѣтнїи и страха сердцемъ ждѣтъ конца сельскохозяйствен  
 наго года и, не смотря на всевозможныя труды и стара  
 нїа на удобренїе земли и всякія попеченїа и заботы по  
 отношенію къ надлежащей и основательной распахнѣ ея, по  
 когда однако не находится въ радостномъ ожиданїи  
 своихъ и надежныхъ успѣховъ отъ нихъ. Тогда лишь бо  
 льше онъ почувствуетъ настоящую радость и самодоволь  
 ствїе посмотреть во кругъ на все окружающее, когда на  
 поляхъ дѣлѣ уже дозрѣетъ хлѣбъ и будетъ несомнѣнная  
 надежда на успѣшную уборку его, когда убѣдится, что  
 хлѣба его не будетъ зимою голодовать и терпѣть нужду  
 въ недостаткѣ въ насущномъ хлѣбѣ. Жители Удору такъ  
 дорожатъ хлѣбомъ, что если въ урожайные годы бываетъ  
 избытокъ, то они не пустятъ его въ продажу, а беруть  
 на будущее время. Къ снятію хлѣба съ полей при  
 ступаютъ обыкновенно веранѣ первыхъ чиселъ август  
 а, послѣ окончательной уборки сѣна. Для лучшей про  
 сушки снатаго хлѣба устроены у всѣхъ на лежахъ прсела,  
 на которыхъ развѣшиваются снои. Эти прсела устраи  
 ваютъ такъ: въ землѣ вкапывается нѣсколько столбовъ, на  
 мѣстности приблизительно около двухъ сажень, съ продоль  
 ными въ нихъ дырами, на разстоянїи одна отъ другой  
 около аршина. Въ эти дыры просовываются отъ столба  
 къ столбу длинныя жерди и на нихъ развѣшиваются  
 снои. На такихъ прселахъ хлѣбъ снатыи частю не  
 дозрѣлымъ отчасти дозрѣваетъ и сохнетъ скоро. Оконча  
 тельная же просушка производится въ овинахъ. Гумна здѣсь  
 дѣлаются крытыя, для того, чтобы хлѣбъ могъ сохраняться

(\*) Слова „Удору“ въ прямомъ значенїи нѣтъ ни на  
 зырянскомъ языкѣ и потому его нельзя перевести на рус  
 ский языкъ. Но замѣчательно, что есть деревня, находя  
 щаяся въ 1 1/2 верстахъ отъ Княжогостскаго селенїа и  
 носящая названїе „Удоръ“. Не отъ этой ли деревни по  
 лучилъ свое названїе вообще весь удорскїй край? Есть ч  
 прямое основанїе полагать, что село Княжогостъ, какъ с  
 показывается и самое его названїе, было нѣкогда мѣсто  
 пребыванїя какого-то князя, его резиденціею или усадь  
 бою. Не былъ ли здѣсь нѣкогда, до принатїа зырянами  
 христіанства, владѣтелемъ азыческаго князекъ Удоръ, отъ  
 имъ и котораго получила названїе подвластная ему мѣст  
 ность. Затѣмъ по принатїи зырянами христіанства, рас  
 пространеннаго между ями Св. Стефаномъ, первымъ епа  
 скопомъ Великорусскимъ, и явившимъ свою власть въ  
 Устьяннѣ, — княжество это присоединилось къ владѣнїямъ  
 князей Московскихъ. И нынѣ Государя Россійскаго титулуютъ  
 ся, между прочимъ, великимъ княземъ Удорскимъ. Уже  
 это показываетъ, что княжество удорское было прежде са  
 мостоятельнымъ и независимымъ.

отъ дождя и молотьба производится во всякую погоду. Какъ распахивка и бороньба полей, такъ и молотьба хлѣба, равно какъ вѣяніе и размоль производится обыкновенно въ нѣмкомъ порядкѣ, при посредствѣ всюду известныхъ и употребляемыхъ орудій. Хлѣбъ мелютъ здѣсь только на водяныхъ мельницахъ, въ которыхъ, по значительному числу небольшихъ рѣчекъ, недостатка нѣтъ. Изтрянныхъ же мельницъ со сѣмь нѣтъ. Во время разлива рѣчекъ и не возможно молоть хлѣбъ на водяныхъ мельницахъ размоль производится на долинныхъ рѣчныхъ жерновахъ, устраиваемыхъ нѣкоторыми крестьянами. Не смотря, однако, на скудный часто урожай и постоянный у весьма многихъ недостатокъ хлѣба въ урожайные годы, цѣна на хлѣбъ стоитъ обыкновенно высокая, вследствие доставки изъ другихъ болѣе плодородныхъ мѣстъ зырянскаго же края. Такъ мука бываетъ ячмѣя отъ 80 коп. до 1 руб., а ржаная отъ 1 до 1 р. 50 коп. пуд.; но въ неурожайные годы цѣна доходить до 2 руб. и выше. Зерновой хлѣбъ здѣсь всегда почти продается и покупается не въсомъ, а мѣрою — четырьмя, четырьмями и гарницами. Полной обыкновенной мѣры, или четверти ярого хлѣба, бываетъ цѣна отъ 6 до 8 р., а ржи отъ 8 до 10 руб. и выше. Денегъ съется здѣсь въ самомъ незначительномъ количествѣ, лишь для необходимой своей одежды, а сбыта не производится. Посѣвъ конопли служитъ рѣдкостью. Послѣ хлѣбопашества огородничество составляетъ на краю Удоры плохую отрасль хозяйства и служитъ ему весьма слабымъ подспорьемъ. Вследствіе ли той же суровости климата, или недоброкачественности почвы, здѣсь, напримеръ, рѣдка самая крупная бываетъ не только посредственной моркови, а капуста состоитъ изъ однихъ высоко и прямо поднявшихся сивеватыхъ листьевъ безъ кочня. Не смотря, однако, на такой слабый урожай и незавидное качество, она ежегодно садится жителями и, будучи кое-какъ обожена, или вываренная въ водѣ, составляетъ за столомъ ихъ особое блюдо, цѣнимое не менѣе другихъ. Лукъ же и картофель начали разводиться здѣсь въ огородахъ въ недавнее время, послѣ продолжительнаго уже употребленія ихъ жителями другихъ мѣстностей зырянскаго края. Эти овощи приносятъ болѣе доброкачественный и надежный плодъ, чѣмъ рѣдка и капуста. Опрочихъ же овощей, какъ-то: моркови, свеклы, бобовъ и проч., жители почти не имѣютъ понятія, за исключеніемъ рѣпы, которую засѣваютъ въ некоторыхъ неудобныхъ для хлѣбопашества мѣстахъ. Въ остальныхъ же зырянскомъ край овощи эти садятся, хотя и въ незначительной мѣрѣ. Неизократная конюшня, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, одного изъ духовныхъ лицъ разводить огурцы въ парникахъ оказалась безуспѣшною, не смотря на самый тщательный уходъ за ними и предохраненіе отъ почного холода. Лѣсныя ягоды, какъ-то: брусника, черника и проч., рождаются въ самомъ незначительномъ количествѣ, мелкія и рѣдко дозреваютъ, и потому и сборы ихъ бывають такъ незначительны, что даже не дѣлается запасовъ ихъ для себя на зиму. Грибы растутъ также не въ изобиліи; изъ нихъ болѣе встрѣчаются рыжикъ и масленникъ, и первые въ солонюмъ, а послѣдніе въ сушеномъ видѣ собираются въ небольшомъ количествѣ на зиму. Грузди составляютъ рѣдкость.

Рѣка Вапка, по своему мелководію, не изобилуетъ рыбою, водится въ ней преимущественно мелкая рыба въ большихъ же озерахъ, въ которыхъ могла бы водиться рыба въ количествѣ, достаточномъ для употребленія всего мѣстного населенія, здѣсь нѣтъ. Вследствіе этого, рыболовство не только не составляетъ отдѣльнаго промысла для жителей, но даже не приноситъ существенной въ хозяйство пользы. Потому, за неименіемъ мѣстной рыбы, жители питаются болѣею частью морскою, привозною рыбою, какъ-то: трескою, пикшею и сигаши. Последняго сорта рыбу, привозимую самобдами Архангельской губерніи, на оленяхъ, въ январѣ мѣсяцъ, на Важгортевую ярмарку, зыряне запасаютъ только для праздниковъ и торжественныхъ случаевъ. Цѣна сигаши зависитъ отъ количества привоза ихъ на Важгортевую ярмарку, гдѣ спросъ на нихъ всегда такъ великъ, что весь привозъ въ довольно значительномъ количествѣ сбывается безъ остатка и часто до окончанія ярмарки. Цѣна сигаши бываетъ на ярмаркѣ отъ 1 р. 50 к. до 3 р. 50 коп. за пудъ. Рѣдкій удорецъ, даже и самый бѣдный, не покупаетъ сколько нибудь этой рыбы, но многие берутъ по нѣсколькимъ пудамъ. Такъ какъ обыкновенно она продается бочками отъ 5 до 10 пудовъ, то для покупки складываются два, три человека и берутъ бочку, а потомъ дѣлятъ ее между собою. Постоянный тресковый, а тѣмъ болѣе сиговый столъ, впрочемъ, составляетъ принадлежность однихъ богатыхъ людей; бѣдное же население въ будничное, а не рѣдко и въ праздничное время, питается почти исключительно кашнею изъ ячменной муки, которая собственно замѣняетъ ихъ какъ-бы постаня щей. Въ прочихъ мѣстностяхъ зыряне готовятъ обыкновенныя щи изъ толченнаго ячменнаго зерна, а русскіе изъ овсяной крупы. Щи по зырянски называются *мыдъ*. Ячменная же кашница носитъ названіе *мурья мыдъ*, что означаетъ собственно щи, заглушающія голодь, следовательно, невѣщія, по ихъ понятію, надлежащаго свойства и питательности щей и вообще лишеныя полного качества пищи. И часто, исключительно этого скуднаго, малопитательнаго, но все таки действительно утоляющаго голодь хлѣбною пищею довольствуется не прихотливый и переносливый желудокъ зырянина — удорянина. Въ особенности же во время дѣснахъ промысловъ этотъ *мурья мыдъ* составляетъ уже для него единственную пищу, почти ни чѣмъ не замѣляемую. Организмъ зырянина до того привыкъ къ этой мучной похлебкѣ, что щи изъ говядины или изъ рабчиковъ, которая варятъ для нея, очень рѣдко для гостей, зыряне считаютъ и вкусными, если въ нихъ не положено муки. Равно такъ не совсемъ по вкусу его приходится щи и изъ соленого хаса и несравненно ему предпочитаютъ такъ называемую телѣдча косьтѣхъ ий — вяленію. Это такого рода мясо, которое, по снятіи съ него, почти всего состоящаго въ немъ лишняго сала, сушатъ, вывѣтриваютъ цѣлыя недѣли и мѣсяца на волю

номъ воздухѣ, развѣсивши по частямъ, не большими кусками, на длинныхъ шестахъ около своего дома. Тѣмъ же, одна о, шя и изъ этой гондны не обходятся, при употребленіи ея въ пищу, безъ необходимой мучной приправы. Подобнымъ образомъ и рыбу удорцы употребляютъ не иначе какъ съ привѣсью хлѣба. По этому они вообще не приготавливаютъ ухи, а дѣлаютъ лишь рыбные пироги которые, называютъ курниками, или употребляютъ ее въ жареномъ видѣ и жаркое вѣять съ хлѣбомъ и причеъ на когда не употребляютъ вилочъ, а берутъ большими пальцами.

На краю Удоры, всѣ почти дома состоятъ изъ двухъ или трехъ покоевъ — обыкновенныхъ крестьянскихъ избъ — одной теплой и другой холодной, въ которыхъ и живутъ попеременно въ теченіи года; причеъ та изба, которая остается не занятою, служитъ чуланомъ или голбоцемъ (кладовой). Избы же у многихъ на половину черныя и на половину бѣлыя. Впрочемъ, въ последнее время начали строить только бѣлыя избы, предпочтая ихъ чернымъ, во избѣжаніе дыма и холода во время топки (такъ какъ необходимо въ это время держать дверь отворенною). Впрочемъ и черныя избы имѣютъ свое удобство въ зимнее время при сушеніи бѣлыя, льна, а даже и хлѣба, который, во незначительному количеству его въ неурожайные годы, могоятся вѣсто овинновъ на дому. Отличительною особенностію здѣшнихъ домовъ или избъ составляетъ то еще, что подъ ними, вѣсто устраниваемыхъ въ другихъ мѣстахъ зырянскаго края голбоцевъ или кладовыхъ, — помѣщается теплый хлѣвъ для домашнего рогатаго скота, гдѣ и держать его, по преимуществу, въ зимнее время; при чемъ кормъ спускаютъ въ ясли изъ избы въ прорубленное около печи небольшое отверстие, закрывающееся досчатою крышкою; кромѣ того въ избѣ же, за печкою, дѣлается и другое большое отверстие съ дверью и лѣстницей, по которой спускаются въ хлѣвъ для доенія коровъ. Такого рода помѣщеніе подъ жилою избю устраивается у жителей сѣверной Удоры для защиты скота отъ жестокой въ этомъ край зимней стужи. Скота стараются держать возможно болѣе, частью для удобенія долей, а частью для молока, и въ особенности для продажи; для последней цѣли исключительно вырмливается быки. При этомъ число скота нерѣдко превышаетъ нужное ему количество сѣна, получаемого лишь съ натуральныхъ сѣннхъ покосовъ, а потому прибавляютъ въ кормъ рогатому скоту еще бѣлый олений мохъ, котораго въ окрестныхъ лѣсахъ жила домохозяйствъ заготавливаетъ на зиму отъ 500 — 1000 и болѣе ношъ или вязовъ. Мохъ этотъ, собираемый осенью, нарѣзываютъ большими ножами и складываютъ въ лѣсу въ кучу на подобіе дровяныхъ поленьицъ, или хлѣбныхъ на гумнахъ скирдъ, и затѣмъ свозятъ на саняхъ въ сарай, и наряду съ сѣномъ даютъ въ кормъ скоту въ теченіи всей зимы; причеъ предварительно его изрѣзываютъ мелко и смачиваютъ въ кипяченой водѣ. Номохъ не такъ питателенъ какъ сѣно и коровы, получающія сѣно въ смѣшеніи съ мохомъ, приносятъ менѣе молока, чѣмъ тѣ, которыя питаются однимъ сѣномъ. Сказавъ о домашнихъ животныхъ и объ ихъ кормѣ, считаемъ здѣсь неизлишнимъ упомянуть, что на сѣверѣ Удоры вовсе не держатъ свиней, живущихся во всемъ остальномъ зырянскомъ край, а равно и куръ, послѣднихъ изъ опасенія, что ихъ истребятъ охотничьи собаки, а потому даже во время Пасхи намъ не случалось видѣть здѣсь ни одного яйца въ цѣломъ приходѣ.

Жестокіе морозы и сѣверные сильные и холодные вѣтры, побуждающіе держать домашнихъ животныхъ въ теплыхъ подпольяхъ, не менѣе того заставляютъ и самихъ удорцевъ-зырянъ одѣваться въ болѣе теплыя, (т. е. менѣе проводящія теплоту тѣла) одежды, чѣмъ овчинныя тулупы и полушубки. Такою одеждою служатъ, такъ называемыя, малицы или длинныя до полу и съ длинными же рукавами рубашки изъ оленьей шкуры, шерстью внизъ, имѣющія лишь сверху небольшое отверстие для надѣванія черезъ голову. Эта одежда составляетъ непремѣнную принадлежность каждаго состоятельнаго и несостоятельнаго удорятина и не только одного взрослого, но даже и мальчика — подростка, начинающаго выходить изъ дома. На такую малицу, имѣющую съ наружной стороны голую кожу или лампу, надѣвается еще рубашка, для которой употребляютъ самыя разнообразныя ткани. Такъ для рабочаго времени рубашка шьется изъ домашнего холста, а для праздничнаго изъ тика, нанки и ситца. Благодаря этому разнообразію верхней рубашки теплы зырянъ-удорцевъ, гуляющихъ въ праздники на перекресткахъ улицъ, представляютъ чрезвычайно пеструю картину, не смотря на однообразіе покрою одежды. Кромѣ малицы, у зырянъ есть еще другая, то же своеобразная одежда, называемая совикъ, служащая исключительно для защиты, отъ холода и употребляемая въ особенности во время дороги. Совикъ отличается отъ малицы тѣмъ, что шьется хотя тоже изъ оленьей шкуры, какъ рубашка, но шерстью вверхъ и имѣетъ еще изъ той же самой шкуры родъ башмака, пришитаго ономъворотомъ, такъ что со всѣхъ сторонъ наглухо одѣвается шею и голову, кромѣ лица, для котораго дѣлается вырѣзаніе. Такимъ образомъ вѣтеръ башмакъ можно, въ случаѣ надобности, спускати съ тѣллови на шею, но нельзя снять отдѣльно отъ совика. Этотъ совикъ рѣдко надѣвается одинъ, но всегда на какую нибудь другую теплую одежду, и даже на малицу. Такъ вотъ какими одеждами старается защитити себя удорятинъ-зырянинъ отъ жестокихъ въ этомъ край зимнихъ морозовъ. Что же касается до обуви, то, не смотря на полное изобиліе березоваго лыка, ланга здѣсь, въ, какъ и во всемъ зырянскомъ край, вовсе въ неупотребленіи, а носится зимою бѣлые чанъ шрета с швомъ, дѣломъ же въ рабочую пору кожаные башмаки, а въ праздники здѣсь щеголяютъ въ въ шитыхъ съ въ соломъ са олахъ съ длинными гусеницами, вердоло, украшенными краснымъ сафьяномъ. Женская же одежда имѣетъ особенный не отличается отъ прочихъ мѣстахъ зырянскаго края.

*Мнококурій Цоловъ.*

*(Продолженіе будетъ)*

## Черты изъ быта, правовъ и обычаевъ зырянъ Яренскаго уѣзда, Удорскаго края. (\*)

Владѣя незначительною пропорціею пахотной земли, дающей скудные урожаи хлѣба, котораго даже и въ благопріятные годы не достаетъ на пропитаніе семьи, житель сѣверной окраины Удоры, окруженный со всѣхъ сторонъ дремучимъ лѣсомъ, изобилующимъ пушными звѣрями и птицами, употребляемыми въ пищу, сосредоточиваетъ всю свою непоглощенную земледѣльческою дѣятельностью, всю мо-

---

(\*) Продолженіе. См. нач. въ № 89 губ. вѣд.

гучую физическую силу и выносливость свою на охотничьем промысле, как доставляющем болѣе существенна средства къ поддержанію его незавидной жизни. Потому-то онъ, можно сказать, по преимуществу, лѣсной житель, такъ какъ въ лѣсу, внѣ дома, проводитъ болѣе половины времени года, а слѣдовательно, и половины жизни. Вслѣдствіе такого устройства быта и промышленнаго занятія крайне-удорскаго жителя, почти тамъ нельзя встрѣтить такого дома, въ которомъ не было бы ружья и собаки и даже по нѣскольку экземпляровъ въ каждомъ домѣ, соответственно числу лѣсо-промышленниковъ охотниковъ. Вся долгая сѣверная зима посвящается исключительно охотничьимъ промысламъ въ лѣсу и большая часть охотниковъ являются домой на самое короткое время — на праздники, или за провизіею. Охотники отправляются на промыслы партіями въ разныя стороны и каждая партія имѣетъ въ лѣсу свою избушку, которая служитъ ей сборнымъ пунктомъ и складомъ провизіи, запасаемой на довольно долгое время. Въ лѣсу охотники расходятся порознь, не опасаясь заблудиться даже безъ компаса. По собственному ихъ отзыву они чувствуютъ себя въ глубинѣ огромныхъ лѣственныхъ лѣсовъ почти какъ въ окрестностяхъ своего жилища, отъ котораго отдаляются не рѣдко версты за 100 и далѣе. Главнымъ предметомъ промысла служатъ бѣлка и рябчики, которыхъ, однако, теперь стало несравненно меньше, чѣмъ въ прежніе и еще недавніе годы. Такъ, по разсказу одного усерднаго и искуснаго промышленника, лѣтъ 7—8 тому назадъ, онъ настрѣливалъ иногда отъ 50 и до 70 рябчиковъ въ день, а въ послѣдніе же годы случается добывать въ день не болѣе 10 и 15 штукъ въ тѣхъ же самыхъ, при томъ, мѣстахъ и при томъ же тщательномъ преслѣдованіи ихъ. Это уменьшеніе дичи они относятъ собственно къ истребленію ея въ огромномъ количествѣ самими же охотниками, что и очень естественно. И гдѣ жъ, въ самомъ дѣлѣ, размножаться дичи, когда здѣсь, что взрослый человѣкъ — то и промышленникъ, когда почти круглый годъ весь лѣсъ перекрещивается ими во всѣхъ направленіяхъ. Замѣчательно также, что здѣсь около деревень, вблизи самыхъ домовъ, никогда не видишь хищныхъ птицъ, какъ-то: воронъ, галокъ, сорокъ и проч. Очевидно, онѣ не считаютъ себя тутъ въ безопасности, потому что приучающіеся къ ружью подростки и не искусные охотники, обучаась стрѣльбѣ въ дѣлѣ, не упускаютъ случая выстрѣлить въ какую бы то ни было птицу, приблизившуюся къ нимъ на ружейный выстрѣлъ. При малочисленности рябчиковъ въ послѣдніе годы, цѣна на нихъ сильно поднялась. Такъ прежде пара стоила 10—15 коп., а теперь доходитъ до 50 коп., въ первыхъ рукахъ, т. е. у самыхъ промышленниковъ. Свой промыселъ охотники обыкновенно сбываютъ у себя на дому мѣстнымъ кулакамъ, которые уже потомъ цѣлыми возами отправляютъ его на ближайшія здѣшнія ярмарки въ г.г. Пинегу и Мезень, Архангельской губерніи, откуда повыми уже кулаками доставляются далѣе въ другія мѣстности и въ столицы. Десятокъ бѣлокъ, которыхъ тоже стало несравненно меньше въ послѣдніе годы, стоитъ отъ 80 к. до 1 р. и выше, и онѣ также сбываются мѣстнымъ кулакамъ, часто даже въ долгъ, впродъ до продажи ихъ и выручки денегъ. Но кромѣ бѣлокъ и рябчиковъ удорскіе промышленники не упускаютъ изъ своихъ рукъ и другихъ, болѣе цѣнныхъ звѣрей, какъ-то: медвѣдей, горностаевъ, лисицъ и проч., попадающихся, впрочемъ, очень рѣдко. Увидавъ гдѣ нибудь слѣдъ подобнаго звѣря, охотники готовы проклянуть его цѣлымъ мѣсяцъ, лишь бы только изловить. Такъ сильно соблазняютъ удорскихъ промышленниковъ дорогія шкуры этихъ звѣрей. Случается также, что удаляющіеся въ глубь лѣса промышленники версты за 70 и далѣе отъ жилья, находятъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ изобиліи растутъ бѣлый мохъ, не большія стада дикихъ оленей, которыя также не ускользаютъ отъ мѣткихъ ихъ пулъ и составляютъ иногда не маловажную добычу. Туши убитыхъ оленей охотники вывозятъ на своихъ длинныхъ салазкахъ и мясо употребляютъ въ пищу, а шкуры обращаютъ на описанные выше манеры и совики, или же продаютъ. Такииъ образомъ трудъ удорскій, мало вознаграждаемый хлѣбопашествомъ, въ достаточной мѣрѣ возмещается охотничьимъ промысломъ, который доставляетъ значительныя выгоды и средства многихъ къ вполне безбѣдному существованію. Мянзлы-ке воасъ нянь, да тырмась быдъ воэ, куваннъ вадъ эзъ эськенъ ковъ — какъ бы намъ приходилъ хлѣбъ, да хваталъ въ каждый годъ, не нужно было бы умирать, говорятъ жители крайней Удоры, не тяготясь отдаленностію своею мѣстности и суровостію своего края и любя его, какъ своего родину, не взирая даже на видныя и осазательныя его неудобства для жизни. Кромѣ лѣснаго промысла, многіе изъ жителей крайней Удоры въ послѣднее время начали заниматься рубкою лѣса, по подряду арендатора-кунца, и сплавомъ его по рѣкамъ Вашкѣ и Мезени къ Бѣлому морю, въ Мезенскую губу, для заграничнаго отпуски; нѣкоторые съ давнихъ временъ занимаются еще коновальствомъ, для котораго удаляются иногда даже въ ближайшіе сибирскіе края, отлучаясь болѣею частію на полгода, и возвращаются постоянно съ хорошимъ заработкомъ, вполне достаточнымъ для годоваго хозяйственнаго оборота.

Удорцы мужчины тѣлосложенія вообще крѣпкаго, плечисты и сравнительно съ другими зырянami рослы, женщины тоже выше обыкновеннаго средняго роста, но не отличаются красотой и по тину лица подходятъ близко къ сосѣдкамъ своимъ самобѣдкамъ Архангельской губерніи. Зырянинъ, житель сѣверной окраины Удоры, твердъ и настойчивъ по своему характеру и трудолюбивъ во всякомъ дѣлѣ до неутомимости. Онъ не расточителенъ, не склоненъ къ роскоши, даже и при избыткахъ, но воздерженъ и экономенъ въ высш. степени, такъ что у него каждый грошъ, каждая копейка напередъ рассчитана, куда должна быть употреблена; причемъ онъ всегда старается поберечь лишнюю копейку на черныя дни, какихъ у него бываетъ въ жизни не мало и предвидѣть которые онъ уже приученъ по-

стойниимъ опытомъ. Заботясь, въ возможной мѣрѣ, о поддержаніи своего дома и благосостояніи семейства, при незначительныхъ средствахъ, зырянинъ не тратитъ денегъ на пьянство, да и вообще по природѣ не пристрастенъ къ водкѣ<sup>(\*)</sup>, никогда не напивается до безпамятства, а многіе даже и вовсе не пьютъ ее и отказываются отъ нее и при даровыхъ угощеніяхъ; „записныхъ“ же пьяницъ между зырянами вовсе нѣтъ. Чай, такъ распространенный въ русскомъ населеніи, вошелъ въ употребленіе и у зырянъ. Многіе изъ замѣтныхъ крестьянъ имѣютъ самовары, и въ воскресные и праздничные дни пьютъ чай всѣ семейные, безъ исключенія, какъ мужчины, такъ и женщины. Впрочемъ послѣднія не успѣли пристраститься даже къ этому безвредному напитку, потому что когда пьютъ мужчины гости, онѣ рѣдко присоединяются къ ихъ компаніи и даже часто и отъ предложеній и угощеній отказываются изъ опасенія привыкнуть къ излишнему употребленію его и траты на него денегъ. — Куреніе табаку здѣсь не въ обыкновеніи. Употребленіе его составляетъ рѣдкое исключеніе и курильщики встрѣчаются лишь между тѣми, которые бывали въ чужой сторонѣ, гдѣ и усвоиваютъ себѣ эту привычку. Хотя куреніе не считается смертельнымъ грѣхомъ и табакъ не признается сатанинскимъ зельемъ, но, по непріятности запаха (отъ крѣпкого листового табака) и не по привычкѣ къ нему, у зырянъ не дозволяется курить въ избѣ; въ особенности же табачный дымъ не терпятъ женщины. Поэтому всякій курящій непременно долженъ выйти изъ избы и курить, сколько душѣ угодно, на вольномъ воздухѣ. — Вслѣдствіе такой воздержности жителей крайней Удоры подати и повинности платятся всегда исправно и слѣдующія на нихъ деньги припасаются заблаговременно; этихъ денегъ зырянинъ никогда не рѣшится издержать на собственные надобности, хотя бы представлялась иногда и весьма сильная нужда. Потому всегда, при первой же объявленіи волостнаго старшины или сельскаго старосты о взносѣ податей, зыряне немедленно являются въ назначенный пунктъ и сразу уплачиваютъ всѣ деньги, какія съ него слѣдуютъ поступить въ казну. При такомъ трудолюбіи и воздержаніи неудивительно, что между зырянами вовсе нѣтъ нищихъ, по дѣлу и призванію, и къ милостынѣ обращаются только совершенно бездомныя, хворыя женщины и дряхлыя старухи, неспособныя уже ни къ какому труду. Всякій глава семейства никогда не доводитъ домашнихъ до нищеты и прошенія милостыни, желая своимъ трудомъ достать все для нихъ необходимое. Преступленій и пороковъ, въ особенности рѣзко выдающихся, здѣсь встрѣчается мало. Такъ, напримѣръ, случаи воровства весьма рѣдки и исключительны. А потому всѣ жители придерживаются той патриархальной простоты, что домохозяинъ, отправляясь изъ дому на работу со всей семьей на цѣлый день, даже и съ ночлегомъ, никогда не запираетъ свой домъ замкомъ, или внутреннимъ запоромъ, а признаетъ достаточнымъ поставить посерегѣ крыльца батожекъ (тросточку), въ знакъ того, что дома нѣтъ никого. И этого условнаго знака вполне достаточно, чтобъ никто не вошелъ въ домъ, такъ что хозяинъ всегда въ полной увѣренности, что никто, при этомъ знакѣ, не рѣшится войти въ его жилище, а тѣмъ болѣе похитить чего нибудь. Тяжелыя раздоры бывають также весьма рѣдко, и если когда случаются между собою у жителей взаимныя ссоры и непріятности, то они всегда стараются кончить ихъ обоимъ примиреніемъ и много уже — самосудомъ, при содѣйствіи мѣстнаго начальства, но никогда не рѣшаются доводить о томъ до высшаго чиновнаго начальства, избѣгая всегда начать искъ судебнымъ порядкомъ, чтобъ и самихъ себя, какъ они выражаются, слишкомъ не избидѣть, да и начальства, находящагося отъ нихъ недалеко, много изъ запустяковъ не безпачтливо. Въ семейномъ быту отецъ, или же дѣдъ, если онъ еще живъ, есть глава дома и полный, неограниченный правитель, которому всѣ младшіе безпрекословно повинуются, слушаясь его совѣтовъ и наставленій безъ особенныхъ побужденій мѣръ. Его слово составляетъ для всѣхъ прочихъ членовъ семейства, какъ бы законъ, котораго даже и въ отсутствіе его нарушить никто не смѣетъ и сдѣлать въ прѣки ему никто не признаетъ за собою права. Онъ всѣмъ членамъ семьи — работникамъ самъ назначетъ занятія и его приказъ всѣми и исполняется безотговорочно. Женщины не въ меньшей мѣрѣ повинуются также старшей домохозяйкѣ, которая точно также управляетъ всѣми ями и хозяйствомъ, также распредѣляетъ между ними домашнія занятія. Женатыя братья, въ случаѣ желанія раздѣлиться между собою, заявляютъ о томъ отцу и получивъ отъ него разрѣшеніе, всегда стараются раздѣлить между собою предназначенное отцомъ къ раздѣлу имѣніе полюбовно, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, а тѣмъ болѣе безъ начальственнаго содѣйствія. Холостымъ сыновьямъ, желающимъ жениться, всегда предоставляется полная и совершенная свобода со стороны родителей, какъ относительно времени женитьбы, такъ и выбора невѣсты, безъ всякаго стѣсненія ихъ и понужденія къ браку, исключая тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда въ домѣ не остается ни одной способной управлять женщины. Потому въ бракъ здѣсь болѣе частію вступаютъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, обыкновенно между 25 и 30 годами. Для совершенія брака выбирается, по преимуществу, свободное отъ домашнихъ работъ время. Дѣйствительное приготовленіе къ свадьбѣ родители начинаютъ дѣлать не иначе какъ послѣ предварительнаго сватовства. При сватовствѣ здѣсь водится часто такое обыкновеніе, — когда молодцу, достигшему надлежащаго возраста и расплагающему жениться, понравится какая либо дѣвица, съ которою бы онъ желалъ соединиться бракомъ и когда она, въ свою очередь, будетъ отвѣчать взаимностію, тогда женихъ въ доказательство ея неизмѣннаго намѣренія выйти за него замужъ требуетъ отъ нее отдачи въ его руки

(\*) Питейное заведеніе, одинъ годъ просуществовавшее на краю Удоры, по случаю малаго употребленія водки, было закрыто, такъ какъ оно принесло содержателю убытокъ, вмѣсто ожидающаго барыша.

какихъ выбулъ вещей нея, какъ бѣ въ залогъ, до соверше-  
нія свадьбы, послѣ чего вещи опять отдаются въ ея рас-  
положеніе. Дѣвица, рѣшающаяся выйти замужъ, не  
прикословитъ этому требованію и въ доказательство своей  
вѣрности дѣйствительно не отказывается отдать даже цѣн-  
ную часть своего приданого, напр. лучшей своей варадь.  
И это обыкновеніе извѣстно подъ именемъ «вѣры». Вы-  
раженіе «сѣе сетама сѣлы вѣра», т. е. она отдала ему  
вѣру, значить, что эта дѣвица уже засватана женихомъ  
и согласилась выйти за него замужъ при первомъ удобномъ  
случаѣ, когда позволять домашнія обстоятельства жениха.  
Но если послѣ того, что бываетъ не рѣдко, по какимъ  
нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ случится жениху  
отлучиться куда либо надолго, но безъ намѣренія его разстроить  
свою свадьбу или по какимъ другимъ причинамъ нельзя  
еще будетъ вскорѣ устроить ея, а невѣстѣ сдѣлаеть пред-  
ложеніе другой болѣе достаточный женихъ и она, по совѣту  
родныхъ, согласится измѣнить первому, ни въ чемъ пред-  
мету не виновному жениху, то въ такомъ случаѣ вса ея  
вещественная вѣра, т. е. отданныя первому жениху вещи  
поступаютъ въ полную его собственность и невѣста не осмѣ-  
ливается даже и требовать или просить ихъ назадъ. На-  
противъ, въ случаѣ нарушенія обѣщанія со стороны жениха,  
если онъ, измѣнивъ первой невѣстѣ, выберетъ себѣ другую  
и женится на послѣдней, тогда требуется уже непремѣнное  
возвращеніе вещей обманутой и пристыженной невѣстѣ,  
отъ которой онъ получены были въ знакъ ея вѣрности.  
Но ни какихъ, впрочемъ, особенныхъ преслѣдованій ни съ  
той, ни съ другой стороны, въ случаѣ разстройства свадьбы  
по этой вѣрѣ, между молодыми людьми не бывають и все  
кончается миролюбиво съ обѣихъ сторонъ, безъ всякихъ  
тяжебъ. При свадьбахъ, въ приданое невѣстѣ, кромѣ платья,  
собственно заведеннаго для нихъ, ничего не дается, т. е.  
ни денегъ, ни вещей, ни скота и все нужные расходы  
и необходимыя издержки по свадьбѣ принимаетъ на себя  
женихъ. Съ невѣстиной же стороны все пиршество огра-  
ничивается однимъ незначительнымъ угощеніемъ нѣкоторыхъ  
родныхъ съ жениховой стороны, во время такъ называемаго  
дѣвишника, при которомъ, какъ и вездѣ, невѣста тоже  
олачетъ и обращается къ роднымъ съ разными причита-  
ніями, которыя за это дѣлають ей подарки. На всякой свадьбѣ  
у зырянъ признается необходимымъ лицомъ видзисъ, т. е.  
сторожъ. Эту обязанность отправляетъ на всѣхъ свадьбахъ  
одинъ человекъ, который слыветъ за знатока своего дѣла.  
Видзисъ служитъ оберегателемъ молодыхъ отъ вліянія дур-  
наго глаза злыхъ людей, а потому ему и предоставляется  
исключительное право руководить каждымъ шагомъ и дѣ-  
ствіемъ молодыхъ во все продолженіе свадебныхъ обрядовъ  
и все дѣлается по его распоряженіямъ и указаніямъ, ко-  
торымъ прекословитъ никто не вправѣ. Послѣ брака здѣсь  
не принято надѣвать на новобрачную докошника, какъ  
это дѣлается во многихъ мѣстностяхъ зырянскаго края,  
гдѣ такой головной уборъ составляетъ внѣшній признакъ  
замужней женщины), но убирають голову ея просто обыкно-  
веннымъ платкомъ, завязаннымъ на затылкѣ и сверхъ того  
прикрываютъ все лицо большимъ платкомъ, чтобы нельзя  
было ее видѣть. Когда затѣмъ отправятся послѣ брака  
домой, то молодая должна непременно кланяться низко въ  
поясъ во все стороны, въ знакъ покорности всѣмъ и готовности  
и въ новомъ своемъ положеніи дѣлать всѣмъ почтительное  
привѣтствіе. Свадебный же пиръ бываетъ только у одного  
жениха, къ которому и отправляется послѣ брака, т. е.  
дѣвичанья, вся его родня, отсутствующая свадебный его  
повѣзь и при этомъ случаѣ никогда не заходить къ нему  
въ домъ переднихъ крыльяхъ, а всегда чрезъ задніе  
ворота, такъ какъ это, по ихъ понятію, служитъ предзна-  
менованіемъ согласной жизни новобрачныхъ, довольства и  
изобилія всего въ домѣ. На жениховомъ пирѣ участвуетъ  
одна только его родня и самыя необходимыя лица съ невѣсти-  
ной стороны — дружка и крестный отецъ и мать ея, или  
же замѣняющія ихъ лица, которыя служатъ какъ бы  
представителями всей невѣстиной родни. Затѣмъ прочіе  
родные угощаются уже послѣ, при первомъ очередномъ,  
послѣ свадьбы, праздникѣ. Какъ при свадьбѣ, такъ и  
обыкновенныхъ праздникахъ пиво и волка признаютъ за не-  
обходимыми напитками для угощенія. Пиво трасотывается  
здѣсь безъ хмѣля, на подобіе браги и оно употребляется  
какъ мужчинами, такъ и женщинами, и въ жители вообще  
большіе охотники до этого напитка, неопьяняющаго сильно,  
но возбуждающаго и развеселяющаго.

Иннокентій Поповъ.

(Продолженіе будетъ)

## ОБЩІЙ ОТДѢЛЪ.

КАЗАНЬ, 6-го ноября. Волга вновь замерзла при  
самомъ незначительномъ морозѣ.

(Правит. Вѣст. № 248)

## ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

### ТЕЛЕГРАММЫ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, 6-го ноября. Официальная  
телеграмма Сервера-паши извѣщаетъ, что 14-го но-  
ября произошла жестокая битва при Муратовицѣ.  
Инсургенты разбиты наголову и оставили на мѣстѣ  
600 труповъ, въ числѣ которыхъ оказалось много  
черногорцевъ.

РАНГАУНЪ, 6-го ноября. Мѣстныя власти открыли  
заговоръ, цѣль котораго заключалась въ томъ, чтобы  
захватить арсеналъ и поджечь городъ. Множество  
бирманцовъ, заподозрѣнныхъ въ сообщничествѣ, аре-  
стовано.

ВѢНА, 7-го ноября. Вновь полученныя извѣстія со-  
общаютъ, что хотя турки и одержали побѣду надъ ин-  
сургентами 14-го ноября, но 15-го числа они, въ свою  
очередь, были разбиты.

блюденіе этого обычая, по ихъ мнѣнію, служить какъ бы застраховкою жизни ребенка и его потомства даже. Удорцы вообще весьма рѣдко посѣщаютъ церковь. Главная причина тому служить отдаленность болѣею частію церкви отъ ихъ жилищъ и частая отлучка жителей изъ своихъ домовъ. Но въ срѣдніе и празничные дни проводятся ими чинно и въ работѣ въ праздники оставляются, такъ что праздникъ служить и необходимымъ условіемъ отъ педѣльныхъ трудовъ. Не имѣя возможности посѣщать церковь часто, Удорцы почитаютъ однако святость праздничнаго дня домашнимъ чиненіемъ. Нѣтъ ни одного почти домохозяина, у котораго бы не имѣлось всегда въ запасѣ церковныхъ перковныхъ свѣчей. Въ праздничной день, прѣдъ обѣдомъ, когда хозяйка дѣла кичитъ свой домашній обрядъ и наговѣтъ кушавъ, глава семейства за свѣчиваетъ прѣдъ своими иконами, сожженными на божницѣ, нѣсколько свѣчъ и, вставъ самъ впередъ, заставляя всѣхъ своихъ домашнихъ молиться съ собою. Молитва эта, безъ чьего-либо отлучка въ стухъ илтанъ, продолжается четверть или полчаса, смотря по усердію, послѣ чего уже вся семья садится за столъ. Безъ такой молитвы никогда не начинается праздничная трапѣза. Въ будни же каждый молится отдѣльно. Подобнымъ образомъ поступаютъ и при поминковѣхъ и умершихъ родныхъ, въ дни ихъ именинъ и кончины, съ тѣмъ различіемъ, что тогда для общаго домашнего воленія и къ обѣденному столу приглашаютъ и магдахъ родныхъ въ тотъ домъ, гдѣ совершаются поминковѣ, известное подѣ названіемъ кармыми. Кромѣ того два рѣза въ году — въ Троицкую и Покровскую субботу (по положенію христіанскому обыкновенію почитать вообще усопшихъ), пришло и здѣсь за не прѣмѣнной дѣлать поминки и въ церквахъ. Тогда приносятъ въ церковь различныя яства, какъ-то: блины, рыбныя пироги, кашу, молоко, вареныхъ и жареныхъ рыбчиковъ; часть кушавья удѣляется причту, а остальное, по окончаніи обѣди, выносится на могилы умершихъ родныхъ, гдѣ всѣ участвующіе въ поминковѣхъ садятся вокругъ и съѣдаютъ другую часть принесеннаго, испрашивая у Бога царства небеснаго умершихъ, въ особенности при всякомъ любимомъ ими при жизни кушавѣ; наконецъ остальная часть уносится домой для тѣхъ домашнихъ, которые не могли почему либо участвовать въ поминковѣхъ на могилахъ. Это поминковѣ Удорцевъ носятъ названіе кармыми, а у другихъ зырянъ и зырянъ называется казымама.

Жители сѣверной окраины Удори, всѣ говорятъ въ семействѣ, на природномъ своемъ зырянскомъ языкѣ, не искаженномъ почти ни сколько чрезъ заимствование изъ него словъ, и смотря на свое сосѣдство съ русскими населеніемъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ зырянскаго края, дограничныхъ съ русскими народомъ, въ ихъ нарѣчіе вошло много русскихъ словъ. Здѣшній зырянскій языкъ отличается также исключительными, весьма многими словами, каковыхъ нельзя встрѣтить у зырянъ въ другихъ мѣстностяхъ зырянскаго края, болѣе въ центральныхъ и ближайшихъ въ Устьвыму, Иренску и Устьсмысльску, и ни въ Сылдскомъ, ни въ Вытегодскомъ и ни въ Лужскомъ нарѣчіяхъ. Такъ, наприимѣръ, говоря объ исключительности многихъ выражеій, употребляемыхъ для остальныхъ зырянъ другихъ мѣстностей, полагаемъ при этомъ незначительнымъ обратить особое вниманіе на одно и обыкновенно часто повторяемое, при удачѣ ихъ разговорѣ, слово *имэ*, произносимое и замѣняемое въ другихъ мѣстностяхъ у зырянъ словомъ *сидэ*, что соответствуетъ на русскомъ языкѣ словамъ такъ, вѣрно, дѣйствительно, т. е. служить выраженіемъ подтверждающимъ. На окраинѣ же Удори зырянинъ, слушающій чью либо рѣчь, свое *имэ* повторяетъ послѣ каждаго даже двухъ-трехъ словъ, даже и тогда, когда не соглашается съ мнѣніемъ говорящаго, но не желаетъ противорѣчить ему по обычной своей не словоохотливости и задичивости, или чтобы не прерывать начатой рѣчи. Если же слушающихъ бываетъ нѣсколько, то по окончаніи рѣчи они всѣ въ одинъ голосъ тараторятъ *имэ, имэ, имэ*, что для посторонняго человека, конечно, кажется страшнымъ и смѣшнымъ. Это же слово-*имэ*, кромѣ того всегда употребляется и вмѣсто какого либо краткаго отвѣта, соответствующаго также русской частицѣ *да*. „Те вѣрэ кѣе лавъ муини“, — въ лѣсъ хочешь идти? Вмѣсто того, чтобы сказать *кѣея* — хочу, Удорецъ отвѣтитъ всегда уже словомъ *имэ*, или на вопросъ: „Тѣныдѣ сѣбави колэ“ — тебѣ вѣсь хочется? въ отвѣтъ вмѣсто *колэ-хочется-имѣ* скажетъ *имэ*. Такимъ образомъ слово *имэ* также замѣняетъ собою русское *да*, но сходное съ нимъ по значенію слово „сидэ“ не замѣняетъ вполне русскаго „да“. Находясь въ сосѣдствѣ съ русскими жителями Архангельской губерніи, всѣ зыряне довольно свободно объясняются и на русскомъ языкѣ и рѣдкій уже не понимаетъ этого языка. Напротивъ большая часть зырянокъ живущихъ безотлучно дома, не только не умѣетъ говорить по русски, но даже мало понимаетъ русскую рѣчь. Женщины здѣсь всѣ болѣе охотливы до пѣсень, такъ что на посѣдѣнкахъ, на которыхъ собираются зимою и вращаютъ лѣнь, онѣ и ютъ безъ устали. Но у здѣшнихъ зырянъ, также какъ и у всѣхъ вообще, нѣтъ пѣсень на родномъ языкѣ, бѣдномъ для поэтическаго выраженія мыслей и чувствъ, и потому зырянки поютъ нѣсколько русскихъ старинныхъ пѣсень, заимствованныхъ у своихъ сосѣдей, хотя не понимаютъ вполне содержанія ихъ и коверкаютъ слова такъ, что онѣ теряютъ часто всякій смыслъ и значеніе. Что же касается до русской грамотности, то она довольно распространена между жителями сѣверной окраины Удори и они имѣютъ къ ней такое расположеніе, но только она ограничивается чтеніемъ по часослову и есалтири. Для обученія своихъ дѣтей грамотѣ нѣкоторые, болѣе состоятельные отцы, въ числѣ нѣсколькихъ лишь, принимаютъ не рѣдко на срокъ, чаще на зиму, какого нибудь учителя за нѣбольшую плату, съ чѣмъ тотъ даетъ учителю по очереди помѣщеніе и содержаніе. Такой учитель собирающихся къ нему мальчковъ учит по старому методу преподаванія, начиная съ азбуки славянскаго писменія и складовъ и кончаетъ образованіе часо-

словомъ и псалтирю. Если же учитель-ремесленникъ жи-  
ветъ своимъ домою, то отцы посылаютъ къ нему на домоу  
дѣтей для обученія за условленную плату. Въ послѣднемъ  
случаѣ чаще дѣлаютъ рѣшу на выучку, напр., азбуки или  
часослова и псалтири, не сообразуясь при этомъ ни сколько  
ни со способностями дѣтей, ни съ ихъ прилежаніемъ, на  
что съ своей стороны и взявшійся учитель не обращаетъ  
особеннаго вниманія, и азата полагается всегда одинако-  
вая, какъ-бы скоро или долго не продолжалось простое  
механическое ученіе грамотъ. Бѣглое выитное чтеніе часослова  
и псалтири считается уже верховъ совершенства въ дѣлѣ  
грамотности, и такого мальчуганъ называютъ уже ученымъ —  
„лидысе тай зевъ вѣнъ шава“ — читать уже весьма-отлично  
хорошо и говорить уже — менаетъ ли вѣнъ ученѣй — мой  
смыъ ученый. И большая часть родителей, какъ живущіе въ за-  
холустьяхъ, гдѣ нѣтъ училища, призывая дальнѣйшую науку  
не особенно нужною въ быту крестьянскомъ, не заботятся  
уже о дальнѣйшемъ умственномъ развитіи своихъ дѣтей,  
не имѣя, впрочемъ, о томъ и самаго понятія. Съ другой стороны  
здѣсь и учителей, настолько знающихъ свое дѣло, чтобъ  
довести мальчиковъ до совершенства въ дѣлѣ обученія  
грамотѣ, нѣтъ, такъ какъ учителями состоятъ исключительно  
зыряне, которые сами учились описаннымъ выше образомъ.  
Однако есть и такія лица, которыя, не довольствуясь  
однимъ знаніемъ славянскаго чтенія, по достиженіи совер-  
шеннаго возраста, стараются уже, самоучкой, доходить до  
свободнаго чтенія книгъ и гражданской печати. Кроме  
того многіе, при небольшомъ руководствѣ, или даже просто  
вопрошаніи письменныхъ буквъ и прописей научаются  
писать и разбирать рукописныя бумаги. Имѣющіеся два  
земскія училища во всемъ Удорскомъ краѣ Глотовъ — сло-  
бодѣ и Ваггорть, въ которыхъ есть вполне удовлетвори-  
тельные учителя, начали распространять грамотность по  
всѣмъ селеніямъ, выпуская въ нихъ хорошо выученныхъ  
мальчиковъ, которые въ свою очередь стали доучивать въ  
деревняхъ малограмотныхъ прежнихъ учениковъ.

Вслѣдствіе воздержной и строгой жизни и соблюденія  
многихъ полезныхъ гигиеническихъ правилъ, зыряне край-  
ней Угоры отличаются здоровьемъ, крѣпостью силъ и дол-  
голѣтіемъ. Есть немало стариковъ отъ 70 до 80 и болѣе  
лѣтъ. Особенныхъ болѣзней, за исключеніемъ эпидемиче-  
скихъ: оспы и горячки, чаще здѣсь всего свирѣствующи-  
хъ, встрѣчается мало. Но во всѣхъ болѣзняхъ Удорцы  
мало прибѣгаютъ къ дѣйствительному врачеванію и не  
имѣютъ вовсе охоты и расположенія лечиться даже и до-  
машними общеупотребительными травами, потому что, по ихъ  
убѣжденію, если Богъ не поправитъ, то всякая челове-  
ческая помощь бессильна. Такой взглядъ въ отношеніи оспы  
характеризуется самымъ различіемъ названій натуральной  
отъ прививной оспы. Первая называется у нихъ, равно  
какъ и прочіихъ зырянь „Ель писъта“, что по букваль-  
ному переводу означаетъ *Божья оспа*, т. е. болѣзнь  
низпосылаемая человеку отъ самаго Бога, а прививная  
оспа называется „мортъ писъта“ — *человѣческая оспа*. Въ  
силу такого взгляда зыряне избѣгаютъ прививки оспы и  
предпочитаютъ переносить натуральную, не взирая на му-  
чительныя страданія отъ нея и безобразіе лица. Отвра-  
щеніе отъ привитой оспы усиливается еще случаями въ  
удачной прививки, не достигающей должнаго результата, вслѣд-  
ствіе застарѣлости лимфы или по какимъ либо по случайнымъ  
причинамъ. Вслѣдствіе этого оснопрививаніе производится  
только по распоряженію и при содѣйствіи и непосред-  
ственномъ надзорѣ волею тнаго начальства. Все это можно  
подтвердить весьма недавнимъ фактомъ. Въ лѣто 1874  
года, при эпидеміи оспы, свирѣщавшей въ такой силь-  
ной степени, что въ рѣдкомъ домоу не было больныхъ ею и  
ежедневно почти умирало, въ теченіи августа мѣсяца, по  
нѣскольку дѣтей даже до 17 лѣтняго возраста, къ фельд-  
шеру, нарочно командированному земствомъ съ нужными  
медикаментами для оказанія медицинскаго пособія и пода-  
нія гигиеническихъ совѣтовъ, — жители не обращались за  
помощью, возлагая все свое упованіе и надежду на Бога  
и говоря, что если уже Богомъ суждено кому умереть, то  
умреть, а если не суждено и не угодно Ему, то и безъ  
всякаго посторонняго медицинскаго пользованія, безъ  
всякихъ лекарствъ выздоровѣть. Имѣя такую тѣ рѣшу,  
непоколебимую вѣру въ Бога, всецѣло управляющаго че-  
ловѣкомъ и его жизнью и смертію, они никогда не обра-  
щаются и къ мѣстнымъ коноваламъ, занимающимся частію  
и пользованіемъ людей отъ нѣкоторыхъ болѣзней, относя  
ихъ пользованіе простыми травами къ шарлатанству. При  
такомъ своеобразномъ нравѣ и характерѣ крайне — удор-  
скихъ зырянь, полагаемъ, довольно не безъ интереснаго  
сообщить, для сравненія, одинъ, достойный вниманія, слу-  
чай, разсказанный намъ однимъ здѣшнимъ коноваломъ —  
зыряниномъ о примомъ врачеваніи имъ одной русской про-  
стонародной женщиной, обращавшейся къ нему съ стѣснѣн-  
ною надеждою въ возможность вылечиться его врачевными  
средствами. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ — такъ говорилъ  
онъ — я былъ въ одномъ русскомъ селеніи, вдали отъ  
здѣшняго мѣста, занимаясь коновальствомъ... Надобно замѣ-  
тить, что коновалы вообще простонародье приписываетъ  
силу изгнать нечистыхъ духовъ изъ смертныхъ людей по-  
средствомъ заговоровъ, заклинаній и разныхъ напечатываній  
надъ водою, а также знаній средствъ вылечивать различныя  
болѣзни самыми простыми травами и подорожными лекар-  
ствами... И вотъ, въ одномъ домоу, гдѣ я остановился ноч-  
евать, была больная женщина, по ея объясненію, грыжею.  
Эта больная, видя что я коноваль, просила у меня не от-  
ступно какой-либо лекарственной травы для облегченія  
своей продолжительной и мучительной болѣзни. Я же, не  
имѣя ни чѣмъ другимъ, кромѣ своего ремесла, не имѣя  
при себѣ ничего кромѣ нужныхъ инструментовъ, не зналъ  
что и дѣлать, видя не отступную и убѣдительную просьбу  
той женщины. Но, когда довольно долго съображалъ,  
не желая, съ одной стороны, уронить въ ея глазахъ дру-  
гихъ своихъ товарищей, занимающихся коновальствомъ и  
вмѣстѣ дѣйствительно умѣющихъ пользоваться людьми отъ

болѣзней, а съ другой, и конфузятъ себя, выказавъ невѣждою, придумать съ собою выйдти изъ неловкаго положенія. Имъ же, я обратилъ вниманіе на свѣжій виспій мохъ въ новой недавно построенной ея избѣ. Не примвило для больной и прочихъ присутствовавшихъ, я выдернулъ изъ стѣны значительный вѣлочекъ этого мoha, вложить его въ кожаную суму и затѣмъ самъ спросилъ больную: „что тебѣ, тетушка, непрежѣнно нужно травки то отъ болѣзни“. Получивъ утвердительный отвѣтъ, я, смѣло вынувъ изъ сумы этотъ мохъ и показавъ его больной и обернувъ въ лоскутокъ бумажки, передалъ съ подробнымъ объясненіемъ, какъ надо приготовить это мнимое лекарство и поскольку принимать въ отварной водѣ. Женищина, послѣ того, со слезами бросилась мнѣ въ ноги и не знала, чѣмъ отблагодарить за такое мое благодѣаніе. Накормивъ и напоивъ меня она наградила меня на дорогу, чѣмъ могла, и предлагала даже деньги, но отъ нихъ я отказался, совѣстясь взять ихъ за свое шарлатанство. Послѣ того, — продолжалъ онъ, — занимаясь ремесломъ коновальства до послѣдняго времени (пока его не оставилъ), я всегда уже записался разными травами, лекарственнаго значенія которыхъ и не зная, съ единственною цѣлью, чтобъ избавляться, при случаяхъ, отъ постоянныхъ просьбъ больныхъ и получалъ уже деньги за мнимое свое искусство. Впрочемъ и мои собратья по ремеслу научились пользоваться людей точно такимъ же образомъ чрезъ простодушную вѣру бабъ въ дарующую силу нашихъ коноваловъ, употребляющихъ заговоры и разныя заклинанія, для большаго обаянія, при явномъ своемъ незнаніи ни лекарственнаго значенія травъ, ни свойства болѣзней, отъ которыхъ пользуют. Видь, труда мало, а корысти много. Какъ не соблазняться, когда за пустое дѣло, когда за простой нашъ обманъ дають вознагражденіе и, притомъ случается, не малое. Гдѣ жъ можно устоять противъ такого искушенія? Да и стыдъ отзываться незнаніемъ! Такъ вотъ какъ и дѣлается нашъ братъ, безъ намѣренія сначала, обманщикомъ. Но вотъ продолжалъ онъ далѣе: „нашихъ бабъ, не бось, не обманешь; онѣ такъ не только намъ, зная что мы, выросши въ лѣсу, ничего не смыслишь и не разумѣемъ, не учившись ни-гдѣ ни-чему. — но и настоящимъ докторамъ и фельдшерамъ, учившимся и знающимъ эту науку хорошо, не довѣрять. Куда какъ онѣ тверды, какъ равно какіе нибудь кремни. И лучше имъ смерть, чѣмъ горькое лекарство. Таковъ уже, видно, нашего здѣшняго люда своеобразный упорный характеръ, — еще дебарялъ онъ, — не умѣя точнѣе объяснить себѣ причину отвращенія своихъ земляковъ и землячекъ не къ мнимымъ только, но и къ дѣйствительнымъ врачамъ и лекарствамъ при самыхъ трудныхъ и опасныхъ болѣзняхъ“.